

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕТАЯЗЫКА

TOWARDS CONSTRUCTING SEMANTIC METALANGUAGE

Н. В. Перцов (Nikolay.Pertsov@avicomp.ru)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

ЗАО АвиКомп Сервисез, Москва

Доклад посвящен проблеме инструментария для метаязыка, предназначенного для описания семантики естественного языка (ЕЯ): должен ли он базироваться непременно на основе естественного языка – или же допустима его ориентация на некоторый универсальный инвентарь смыслов? Критически рассматривается тезис о том, что семантика ЕЯ должна строиться на основе ограниченного подъязыка самого естественного языка; этот тезис поддерживается в ряде отечественных семантических теорий. В пользу универсализации метаязыка приводится то обстоятельство, что даже естественно ориентированные семантические метаязыки не могут обойтись исключительно естественно-языковыми средствами: в них включаются искусственные элементы-конструкты. Предлагается учитывать также состав инструментария научного аппарата, предназначенного для описания более поверхностных ярусов структуры языка – синтаксиса, морфологии и фонологии: специфичность единиц конкретного ЕЯ для этих ярусов не предполагается отражать посредством особых, ориентированных именно на данный ЕЯ металингвистических единиц.

Основной пафос предлагаемых читателю размышлений носит не столько созидательный, сколько критический характер. Автор не располагает готовой стройной концепцией лингвистической семантики, не говоря уже о строгой теории. У него нет конкретных предложений относительно методики описания значения языковых единиц, нет и сколько-нибудь развернутых и проработанных инструментов семантического описания. Настоящие заметки «метасемантически»: они касаются одной из критичных проблем разработки оснований построения семантической теории, а именно – проблемы природы семантического метаязыка, описывающего смысл содержательных единиц естественного языка. Более конкретно, автор намерен, возвращаясь отчасти к тематике его работы десятилетней давности [Перцов 1996], рассмотреть вопрос о том, каков может быть инструментарий семантической теории.

В отечественной лингвистической семантике большинство исследователей разделяют следующий методологический тезис:

Семантика конкретного естественного языка должна строиться на основе ограниченного подъязыка самого естественного языка,

который (тезис) ниже будет именоваться как «тезис об ограниченном подъязыке» (сокращенно ТОП). Ниже я предприму попытку оспорить ТОП, точнее, оспорить содержащуюся в нём модальность долженствования.

В качестве основного аргумента в пользу этого основополагающего тезиса выступает утверждение о языковой картине мира (ЯКМ), специфичной именно для конкретного естественного языка (ЕЯ) [Апресян 2005: 7–8]; такая ЯКМ обуславливает наличие в ЕЯ характерных именно для него семантических лейтмотивов. В ЕЯ имеются, таким образом, лингвоспецифичные единицы, которые не имеют прямых аналогов в других ЕЯ, а стало быть, не могут быть непринужденно и компактно – без тех или иных смысловых потерь или добавок – переведены на другие ЕЯ. Для таких единиц при переводе их на другие языки приходится либо мириться с теми или иными искажениями исходного смыслового содержания, либо прибегать к пространным описательным оборотам и тем самым отступать от сжатости «упаковки» смыслового содержания в исходном тексте. Для русского языка примеры таких лингвоспецифичных слов в избытке можно найти в сборнике статей трех авторов [Зализняк и др. 2005] (а также в недавней книге [Зализняк 2006]): *тоска, удаль, авось, небось, угораздило, повезло, заодно* и др.; примеры лингвоспецифичных русских конструкций приводятся и обсуждаются в [Апресян 2005: 8–10]: «мучительные» вопросы типа *Где его теперь искать?*; конструкция «N_{dat} + (не) V-ся» (*Ему не работается, Здесь мне хорошо спится* и т. п.).

Здесь следует сделать одну оговорку. Лингвоспецифичность языковых единиц – явление гораздо более широкое, чем это представлено в [Зализняк и др. 2005] или в других работах по языковой картине мира¹.

¹ Критические замечания к концепции языковой картины мира и сомнение в ясности самого понятия «языковая картина мира», к которыми в основном присоединяется автор настоящей работы, см. в статье [Шайкевич 2005].

Лингвоспецифичными в некотором смысле можно признать не только единицы, представляющие особые трудности при переводе на другие языки, но и значительную массу других единиц, для которых такого рода переводческие трудности не столь явственны. В самом деле, содержание слова, взятого в конкретном значении, отнюдь не сводится к толкованию этого значения: последнее существует в конкретном лексическом окружении – полисемическом (другие значения данного слова), словообразовательном (вхождение в то или иное словообразовательное гнездо), фразеологическом (вхождение в те или иные фразеологические словосочетания), паронимическом (наличие тех или иных паронимов данного слова) и др.² В этом смысле практически любое слово лингвоспецифично: трудно ожидать, что в двух произвольных ЕЯ два переводных эквивалента будут обладать в точности изоморфными лексическими окружениями. Даже слова, обозначающие такое конкретное понятие, как ‘солнце’, в разных языках «нагружены» разными коннотациями, ассоциациями, имеют неизоморфные дериваты, паронимы, входят в лингвоспецифичные фраземы и т. д., а поэтому могут считаться «лингвоспецифичными». (Из чего не следует делать прямых скороспелых выводов относительно наличия у носителей языка тех или иных специфичных представлений, отраженных в словах со значением ‘солнце’.)

Поэтому эвристически полезно различать два разных типа лингвоспецифичности, которые можно обозначить как лингвоспецифичность в сильном vs. слабом смысле – или как сильную vs. слабую лингвоспецифичность³. Сильная лингвоспецифичность свойственна тем языковым единицам, которые представляют собой трудности при переводе на другие ЕЯ; слабая лингвоспецифичность – тем единицам, которые обладают специфическим в данном языке языковым окружением. Из вышесказанного (в предшествующем абзаце) вытекает, что слабая лингвоспецифичность характерна для огромной массы содержательных единиц в ЕЯ. Если взять наудачу слово из большого словаря, то с большой вероятностью (явно превышающей 50-процентный рубеж) оно окажется слабо лингвоспецифичным. Думается, можно признать по крайней мере слабо лингвоспецифичными практически все семантически содержательные граммы – числа существительного, падежа существительного (в случае семантической наполненности граммы падежа в текстовой форме), степени сравнения прилагательного, наклонения, времени, вида глагола и др.

Разумеется, именно сильная лингвоспецифичность обычно и служит решающим аргументом в пользу ТОП. И именно эта импликация

«из того, что в ЕЯ имеются сильно лингвоспецифичные единицы, следует, что его семантика должна описываться ограниченными средствами самого ЕЯ»⁴

и будет предметом дальнейшего критического анализа.

Семантический метаязык, выделяемый из состава самого описываемого языка, иногда именуется как «естественный семантический метаязык» (ЕСМ) [Гладкова 2005: 102]; так же сокращенно он будет именоваться и в настоящей работе. Из требований, предъявляемых к ЕСМ, вытекает, что лингвоспецифичность не должна быть свойством ЕСМ: в ЕСМ не имеется в виду включать сильно лингвоспецифичные единицы, поскольку такие единицы обладают значительной смысловой нагрузкой. ЕСМ должен быть максимально прост: «<...> в подязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы и синтаксические конструкции в их основных значениях», а каждое слово подязыка «должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла» [Апресян 2005: 13]⁵. В лексику ЕСМ предполагается включать единицы следующих типов: (1) носители так называемых «системообразующих смыслов»: (а) семантические примитивы, т. е. нетолкуемые слова; (б) носители некоторых более сложных смыслов, недалеко отстоящих от примитивов (сводимых к ним в малое число шагов); (в) некоторые более простые, невербализуемые смыслы – «кварки» (например, пересечение смыслов русских слов *хотеть* и *желать*, нетривиальные семантические признаки ‘стативность’, ‘акциональность’ и т. п.); (2) «промежуточные слова-смыслы», для которых «характерно вхождение в состав многих лексических единиц данного языка» [там же: 12–13]. Синтаксис ЕСМ тоже должен

² В данной связи можно вспомнить введенное А. Вежицкой понятие «резонанса» для отражения свойств единиц семантического метаязыка, взятых из конкретного естественного языка [Wierzbicka 1996: 30]; под резонансом слова понимается его место в лексике данного языка с точки зрения его разнообразных связей с другими словами – формальных, семантических, ассоциативных, культурно обусловленных, его коннотаций и т. п. (см. обсуждение этого понятия в [Перцов 1996: 62]).

³ Данное противопоставление сильной и слабой лингвоспецифичности можно соотнести с противопоставлением этноспецифичности в сильном и слабом смысле в статье [Апресян 2005: 8]: сильная лингвоспецифичность в настоящей работе совпадает с сильной этноспецифичностью, а слабая лингвоспецифичность, как кажется, охватывает более широкий круг явлений, нежели слабая этноспецифичность (под которую подводятся только те значения ЕЯ, которые в принципе выразимы и в других языках, но имеют в данном ЕЯ особый статус [Апресян 2005: 8]).

⁴ Ср. принцип 7 в [Апресян 2005: 11]: «Ввиду национальной специфики языковой картины мира в качестве семантического метаязыка должен использоваться не универсальный искусственный язык, а подязык изучаемого естественного языка»; этот принцип дается в составе других принципов теоретической семантики – «теоретических представлений об устройстве языковых значений и возможностях их строгого научного описания», из которых исходит Московская семантическая школа интегрального описания языка и системной лексикографии.

⁵ Ср. также формулировку А. Вежицкой: «<...> чтобы объяснять сложные значения понятным образом, нужно употреблять простые, общепонятные слова <...> нужно употреблять слова, которые универсальны, то есть те, которые имеют эквиваленты в любом языке <...>» [Вежицкая 2002: 8].

быть унифицирован: в него не должны входить лингвоспецифичные конструкции ЕЯ (например, конструкции так называемого «малого синтаксиса», свойственные разговорному языку). Тем самым лингвоспецифичность в ЕСМ должна быть устранена (или, может быть, сведена к минимуму). Естественные семантические метаязыки для разных ЕЯ должны быть построены так, чтобы их можно было легко соотносить.

Отступление 1. Надо сказать, что на раннем этапе развития теории Смысл – Текст (ТСТ), из которой вызрела Московская семантическая школа (МСШ), возглавляемая Ю.Д. Апресяном⁶, в качестве семантического метаязыка предполагалось или допускалось использование именно языка универсальных смыслов: в [Мельчук 1974: 58] говорилось о возможности базирования на некотором «инвентаре сем, или смысловых атомов (в некотором отношении аналогичных якобсоновским различительным элементам в фонологии <...>»), а в [Апресян 1974: 74] предполагалась возможность «перехода на “международную семантическую транскрипцию”, подобно тому, как это было сделано с фонетической транскрипцией <...>». В работе [Апресян 1995а (1980): 16 слл.], опубликованной в 1980 г., было предложено расщепить семантический компонент ТСТ на два – поверхностно-семантический и глубинно семантический: первый ведает «национальной» семантикой конкретного ЕЯ, а второй – универсальной семантикой; метаязык первого формируется на основе самого ЕЯ, а метаязык второго – на основе семантически неразложимых конструкторов, *indefinibilia* [там же: 22]. В работе, вышедшей через полтора десятилетия, Ю.Д. Апресян [1995b: 481] еще сохранил противопоставление «национальной» и «универсальной» семантики: «Универсальная (*cross-cultural*, глубинная) семантика должна строиться, по-видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинны примитивы – пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков»; что же касается его работ последних лет (в частности, обзорных работ [Апресян 1999; 2005], посвященных отечественной семантике, в которых имеются специальные разделы о метаязыке), в них об универсальном семантическом языке ничего не говорится. В ТСТ универсальная семантика подпадает под ведение так называемого «концептуального уровня», а национальная – под ведение семантического уровня (см. Предисловие к переизданию книги 1974 г. – [Мельчук 1999: XI]).

Из кратко очерченного выше перечня типов единиц ЕСМ видно, что в его состав включаются не только реальные достаточно простые единицы ЕЯ (с редуцированными значениями), но и некоторые искусственные конструкторы – «кварки». Следует сказать, что необходимость в расширении ЕСМ за счет гораздо более значительного привлечения конструкторов в последние годы была убедительно обоснована в работах Е.В. Урысон. В книге [Урысон 2003: 97–109] было показано, что для описания частеречной семантики отглагольных существительных требуются специальные символы; в серии её статей последних лет (из последних отмечу [Урысон 2004; 2005]) было продемонстрировано, что для адекватного описания семантики ряда союзов – *и, или, но, а, если, хотя* – совершенно необходимо прибегнуть к конструкторам для экспликации невербализованных смыслов⁷ (причем в связи с наличием таких смыслов, которые – в отличие от некоторых кварков – не допускают никоим образом лексемного воплощения, Е.В. Урысон [2004: 46] пришлось ввести еще одно понятие, заимствованное также из терминологии физики элементарных частиц, – «(семантический) фотон»). Тем самым отклонение ЕСМ от идеального естественно-языкового воплощения носит значительно более глубокий характер, а удельный вес искусственных конструкторов в его составе оказывается гораздо более значительным, чем это представлялось ранее.

Действительно ли необходимо, как утверждается в упомянутых концепциях, описывать семантику сильно лингвоспецифичных единиц непременно средствами ЕСМ, т. е. нелингвоспецифичными средствами? Скажем, если взять хрестоматийный пример лингвоспецифичного слова – русское слово *тоска*, то лингвоспецифичным является само сложное содержание, которое заключено в этом слове, но почему должна быть таковой научная экспликация этого содержания? Это последнее должно быть сведено к конфигурации более простых единиц – научных конструкторов, и встает вопрос о том, почему эти конструкторы должны непременно совпадать со значениями тех или иных русских слов, а связи между ними – с конкретными синтаксическими связями русского языка. Что специфичного вносят нелингвоспецифичные значения специально отобранных в ЕСМ русских слов в значение лингвоспецифичного русского слова?

Другое сомнение в фундированности опоры на естественно-языковые примитивы связано с тем, что некоторые из них оказываются все-таки лингвоспецифичными – правда, в слабом смысле. (Здесь мне приходится практически повторять то, что было сказано по этому поводу в [Перцов 1996: 18–19], но не получило никакого отклика в работах МСШ, т. е. не было ни учтено, ни оспорено.) Таковы, например, слова английского и русского

⁶ В настоящее время исследования, проводимые как в рамках теории Смысл – Текст, так и в рамках Московской семантической школы интегрального описания языка и системной лексикографии, объединяются лидерами этих школ И.А. Мельчуком и Ю.Д. Апресяном под единым терминологическим ярлыком «Московская семантическая школа». Мне представляется такое объединение нелогичным: теория Смысл – Текст, представляющая собой единую теорию языка, охватывает все его уровни и тем самым отнюдь не сводится к семантике (скажем, проблема морфологических чередований подлежит ведению ТСТ, но не МСШ).

⁷ По моему разумению, семантика практически всех служебных слов не может быть эксплицирована без привлечения внеположных ЕЯ искусственных конструкторов.

языков, выражающие примитив желания, – *want*⁸ и *want*: еще в середине 1990-х годов Ю.Д. Апресян [1995b: 478] показал, что они не являются предельно простыми по смыслу и содержат кварки. Но тогда получается, что если в составе толкования некоторого слова требуется выразить идею «чистого желания», не обремененного никакими дополнительными смыслами, средства ЕСМ не позволяют этого сделать. А тогда непонятно, как можно преодолеть эту трудность без обращения к искусственному конструкту для идеи чистого желания.

Думается, что своеобразие лингвоспецифичной естественно-языковой единицы должно отражаться посредством самой конфигурации элементов семантического метаязыка, но не посредством особых единиц данного метаязыка. При описании семантики конкретного ЕЯ неправомечно вводить в семантический метаязык специальные элементы, исключительно ориентированные на сильно лингвоспецифичные единицы данного ЕЯ. Если в задачи науки входит в частности сведение сложного к более простому, то неправомечно описывать сложный объект посредством конструктов, содержащих объекты той же ступени сложности. Тогда следует признать, что выражение, являющееся научной экспликацией лингвоспецифичной языковой единицы, само не должно содержать лингвоспецифичные единицы.

Отступение 2. Здесь можно прибегнуть к естественно-научной аналогии из области строения вещества. Молекула, сохраняющая все химические свойства вещества, состоит из атомов, атом тоже сохраняет химические свойства соответствующего химического элемента. Молекулы и атомы еще сохраняют специфичность вещества, однако при дальнейшем движении от сложному к простому специфичность исчезает – она сводится к конфигурации элементарных частиц. Автор, впрочем, отдает себе отчет в том, данная аналогия, как и всякая аналогия, является неполной.

Следует заметить, что в лингвистике при описании более поверхностных ярусов структуры языка – синтаксиса, морфологии и фонологии – специфичность соответствующих единиц конкретного ЕЯ не предполагается отражать посредством особых, ориентированных именно на данный ЕЯ металингвистических единиц. В самом деле, при разработке терминологических систем для этих ярусов естественна ориентация на универсальность соответствующих понятий и терминов (подлежащее, сказуемое; номинатив, аккузатив, инструменталис, презенс, претерит; ларингал, денальный и др.). Разумеется, в научном тексте мы вынуждены при обозначении лингвистических понятий пользоваться тем естественным языком, на котором пишется данный текст: в русском научном тексте некоторое понятие обозначается как «аккузатив» (или «винительный падеж»), в английском – как «accusative», во французском – как «accusatif», в немецком – как «Akkusativ» (или «Wenfall»), в итальянском – как «accusativo» и т. п., – и всё же ясно, что эти разные выражения призваны обозначать в определенном аспекте одно и то же, что им соответствует некое единое понятие. При этом конкретные явления разных ЕЯ, подвидимые под некоторое грамматическое понятие, как правило, различаются с точки зрения совокупного набора синтаксических функций и выражаемых смыслов, т. е. обладают (слабой) лингвоспецифичностью; важно лишь пересечение некоторых характерных синтаксических функций соответствующих форм в разных языках и, возможно, некоторых смыслов, ими выражаемых. (Скажем, денотат «аккузатива» в одном языке может не в точности совпадать с денотатом этого термина в другом – более того, как правило, в точности и не совпадает.) При наличии такого существенного пересечения правомочно применять общий термин, а не вводить для каждого явления свой «лингвоспецифичный» термин.

Правда, в конкретном ЕЯ может наблюдаться лингвоспецифичное грамматическое явление, для которого может потребоваться особое понятие и термин (например, «категория состояния» в русском); однако если обнаружится другой ЕЯ с аналогичным явлением, имеющим большинство свойств или важнейшие свойства исходного, то для этого явления естественно использовать уже готовое терминологическое обозначение.

Если обратиться к фонологии, можно вспомнить о существовании Международного фонетического алфавита, об унифицированных системах транскрипции на основе латинского алфавита, о системе дифференциальных фонологических признаков Якобсона – Фанта – Халле, призванной свести всё разнообразие фонетических систем к ограниченному набору элементарных единиц. При этом, скажем, фонема, обозначаемая как [t], имеет в конкретных языках свою специфику, что вовсе не отменяет правомочности единого ярлыка.

Итак, принятый в некоторых семантических концепциях тезис об ограниченном подязыке ЕЯ как метаязыке описания семантики данного ЕЯ следует считать не чем иным, как аксиомой (или как установкой), справедливой только в рамках этих концепций, но не общелингвистическим постулатом, из которого непременно должен исходить любой исследователь-семантист. ТОП может быть весьма плодотворным в рамках семантической концепции; неоспоримые семантические достижения теории Смысл – Текст, Московской семантической школы (интегрального описания языка и системной лексикографии), теории А. Вежицкой говорят о том, что на пути опоры на ЕСМ можно добиться очень многого, и, разумеется, возможности этих

⁸ Возможность объединения в одном употреблении глагола *want* двух смыслов – ‘хотеть (как чистое желание)’ и ‘нуждаться’ – прекрасно иллюстрируется в следующем диалоге из романа Ann Tyler «When We Were Grownups»: «“I should get myself a dog,” Rebecca said. <...> “You don’t want a dog.” Zeb told her. / “Well, it’s true they are a lot of trouble.” she said. <...> “They are as demanding as toddlers,” Zeb said. / “Besides, I don’t even like dogs.” / “Then you certainly don’t want one.” » (Этим выразительным примером автор обязан П.П. Палажченко.)

теорий далеко не исчерпаны. Описание семантики лексики ЕЯ посредством его самого устанавливает важные системные связи между словами, позволяет выделить релевантные лексикографические типы. Однако следует осознавать и ограниченность установки на ЕСМ (так ведь и любая теория ограничена!): естественные семантические метаязыки для разных ЕЯ не позволяют непосредственно соотносить семантические системы этих ЕЯ, поскольку в этих метаязыках используются **разные** инструментари. Скажем, в русском ЕСМ используется смысл-примитив 'хотеть', а в английском – 'want', и для соотнесения этих ЕСМ нам нужно располагать еще и системой «переводных» эквивалентов между разными ЕСМ – при том что в русском и английском соответствующие слова лингвоспецифичны относительно друг друга. Может быть, логичнее было бы постулировать некий универсальный смысл «чистого желания», который можно было бы обозначить как 'want' (имея в виду отличие содержания этого обозначения от достаточно богатого смысла реального английского слова *want*) или как латинское 'volo'.

Тем самым ориентация при описании семантики естественных языков на ЕСМ или на универсальный семантический метаязык может определяться целями описания: ЕСМ правомерен при ориентации на выявление системных связей и семантических классов в самом конкретном ЕЯ, но ограничен при сопоставлении семантических систем разных ЕЯ; универсальный семантический язык ограничен при решении первой задачи, но должен быть более эффективен при решении второй. Для компьютерно-лингвистических задач по обработке естественно-языковых текстов универсальный семантический язык, думается, тоже должен иметь известные преимущества по сравнению с ЕСМ.

Отступление 3. В недавно вышедшей в свет проблемной книге [Зализняк 2006] (возможно, первой в отечественной лингвистике монографии, специально посвященной языковой неоднозначности, в основном лексической) вопрос о природе используемого автором семантического метаязыка не обсуждается. Центральное место в концептуальном аппарате занимает понятие концептуальной схемы, но метаязыковые средства для концептуальной схемы явным образом не задаются. Примечательно, что хотя для описания лексических значений, задаваемых как толкования или как концептуальные схемы, используются формулировки на естественном языке, в главе о глагольных приставках автор прибегает к семантическим англоязычным условным «ярлыкам», обозначающим смыслы, которые «должны формулироваться не на языке толкований, а на некотором более абстрактном метаязыке» (с. 312). Здесь еще раз проявляется недостаточность чисто естественноязыковых средств для задания семантики ЕЯ.

Разработка универсального независимого семантического метаязыка – дело, разумеется, будущего. Верно, что до сих пор еще не создан такой строгий семантический метаязык, который был бы полностью независим от конкретного ЕЯ – в том смысле, в каком независима от языка периодическая система элементов Менделеева или система обозначения чисел посредством цифр. Ни один из предложенных к настоящему времени универсальных семантических метаязыков не может претендовать на подлинную научную исчерпывающую запись смыслов, выражаемых в естественных языках⁹. – Означает ли это принципиальную невозможность создания такого универсального семантического метаязыка, независимого от реальных ЕЯ, в будущем, сколь бы отдаленным оно ни было? На мой взгляд, ни в коей мере. Просто лингвистическая семантика еще не достигла такого уровня развития, который допускает создание чего-либо подобного универсальным инвентарям, созданным в фонологии (Международный фонетический алфавит, система дифференциальных фонологических признаков Якобсона – Фанта – Халле), морфологии (инвентарь ярлыков для обозначения грамматических значений), синтаксисе (инвентарь синтаксических отношений); однако никто не может по-настоящему обосновать невозможность построить нечто вроде периодической системы Менделеева в области семантики. Полагаю, что в настоящее время методологический уровень и инструментарий в этой области нашей науки весьма низок по сравнению с точными науками, а критерии истинности семантических утверждений весьма нечетки. Ведь и в концепциях, разделяющих тезис об ограниченном подязыке, реальных полных инвентарей естественно-языковых средств для ЕСМ нет: ориентация на использование полного набора выделяемых из ЕЯ простых лексических, синтаксических и грамматических средств в таких концепциях лишь декларируется, но не воплощается в виде подробных и четких описаний ЕСМ (что мне пришлось отметить в [Перцов 1996], а за 10 лет в этом отношении мало что изменилось). *Lingua mentalis* А. Вежицкой составляет исключение только в отношении задания набора лексических средств метаязыка (последняя версия которого представлена в [Гладкова 2005: 102–103]), поскольку для полноты метаязыка нужна еще и четкая формулировка синтаксиса, т. е. правил образования языковых выражений, как это требуется в подлинно формальных языках логики или программирования, для которых практикуемый в лингвистике стиль задания метаязыка совершенно недостаточен ни для теории, ни для практики. Если лингвистическая семантика хочет приблизиться к уровню точности указанных областей (достичь его в полной мере не представляется возможным), ей не избежать большей формализации используемого метаязыка.

⁹ Впрочем, если иметь в виду полноту отражения естественно-языковых смыслов, то этим не обладает ни одна из существующих семантических теорий и ни один ЕСМ – хотя бы потому, что прецедентов строгого задания таких ЕСМ, которые были бы ориентированы на охват всех типов языковых единиц и всех семантических классов слов, не существует.

Итак, вопрос о возможности построения универсального, независимого от ЕЯ семантического метаязыка следует считать открытым¹⁰.

Автор выражает благодарность коллегам, читавшим предварительные версии настоящей работы и поделившимися с ним своими соображениями и замечаниями: А.Д. Кошелеву, Е.В. Урысон, А.Я. Шайкевичу и М.И. Шапиру.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
2. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» // Ю.Д. Апресян. Избранные труды: том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995а.
3. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д.Апресян. Избранные труды: том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
4. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 4.
5. Апресян Ю.Д. Апресян. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 7.
6. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.Г. Крейдлин, Н.Е. Фрид, И.Л. Сагалова, В.Г. Сизов. Модуль универсального сетевого языка (UNL) в составе системы ЭТАП-3 // Труды Международного семинара Диалог '2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениями. Т. 2. Протвино, 2000.
7. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 4.
8. Гладкова А.Н. Гладкова. Чем русское *сопереживание* отличается от английского *empathy*? Опыт применения естественного семантического метаязыка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 (Звенигород, 1–6 июня 2005). М., 2005.
9. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
10. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи
11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
12. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1999.
13. Перцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Выпуск 1: Спорное в лингвистике. М., 1996..
14. Урысон Е.В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
15. Урысон Е.В. Некоторые значения союза *А* в свете современной семантической теории // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8).
16. Урысон Е.В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005 (Звенигород, 1–6 июня 2005). М., 2005.

¹⁰ В данной связи можно обратиться к проблеме построения и использования «универсального сетевого языка» [УСЯ – «Universal Networking Language» (UNL)], которые осуществляются в рамках международного проекта под эгидой ООН с 1996 г. [Богуславский и др. 2000: 53–58]. УСЯ, который «можно рассматривать как универсальный способ представления значений» [там же: 53], построен на основе лексических значений английского языка, дополненных особыми атрибутами и семантическими метаязыковыми ограничителями; синтаксис УСЯ строится как набор конструктов-отношений. Предполагается использовать этот англоязычный УСЯ как язык-посредник между естественными языками, т. е. разрабатывать действующие компьютерные системы перевода с конкретных ЕЯ на УСЯ («энковерторы») и с УСЯ на конкретные ЕЯ («дековерторы»). Нельзя сказать, что за почти десятилетний период на пути использования УСЯ достигнуты очень заметные успехи [UNL 2005]. Однако это не отменяет плодотворности самой ориентации при автоматическом переводе на единый язык-посредник, построенный на основе конкретного (самого распространенного и популярного) ЕЯ. Так же можно строить и универсальный семантический метаязык, т. е. ориентироваться при этом на лексику и синтаксис английского языка и специфицировать значения вводимых в метаязык английских слов.

17. *Шайкевич А.Я.* Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2.
18. *UNL 2005 – Universal Networking Language: Advances in Theory and Applications* / J. Cardenosa, A. Gelbukh, E. Tovar (eds.). Special issue of «Research on Computing Science», 2005.
19. *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. – Oxford – New York., 1996.